

Демографическая политика в России: оценка результативности*

Александр Иванович Агеев^{а)},

Ольга Анатольевна Золотарева^{б), в)}

^{а)} Международный научно-исследовательский институт проблем управления, г. Москва, Россия;

^{б)} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия;

^{в)} МИРЭА — Российский технологический университет, г. Москва, Россия

Одна из причин существенного усложнения социально-экономического развития современной России — новая затяжная волна депопуляции. В этой связи актуальны и практически значимы анализ базовых проблем стратегического управления демографическим развитием и беспристрастная оценка результативности решаемых в данной сфере задач, прежде всего, в области роста рождаемости. Особое внимание уделено рассмотрению ключевого нормативного документа в сфере демографии — Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Выявлен ряд ее несовершенств, допущенных на стадии разработки, предложены направления совершенствования документа.

В статье дана оценка динамики ряда основных целевых демографических индикаторов, а также предпринята попытка выявить проблемы и факторы, влияющие на рождаемость в стране. Проведенная оценка корреляций подтвердила значимость мер социальной поддержки и регионального материнского капитала для достижения роста рождаемости, что существенно важно для преодоления депопуляционных процессов в обществе. Выявлена серьезная преграда демографическому развитию, вызываемая распространенностью практики откладывания деторождений, которая продемонстрировала устойчивость в молодом поколении вне зависимости от самооценки их уровня жизни. На этом фоне определена трансформация возрастной модели рождаемости: модальный возраст матерей за пятнадцать лет смещен более чем на 5 лет. Положительным явилось подтверждение на основе рассчитанных коэффициентов взаимной сопряженности Пирсона и Чупрова связи между намерением молодежи вступить в брак и их желанием родить ребенка, что представляется важным для семейного благополучия и формирует предпосылки для дальнейшего демографического развития.

Ключевые слова: демографическая политика, депопуляция, Концепция демографической политики Российской Федерации, демографическая статистика, статистические методы, динамика рождаемости, воспроизводство населения.

JEL: C15, C43, C80, I12.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71>.

Для цитирования: Агеев А.И., Золотарева О.А. Демографическая политика в России: оценка результативности. Вопросы статистики. 2023;30(2):53–71.

Demographic Policy in Russia: Performance Evaluation*

Aleksandr I. Ageev^{а)},

Olga A. Zolotareva^{б), в)}

^{а)} International Research Institute for Advanced Systems (IRIAS), Moscow, Russia;

^{б)} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

^{в)} MIREA — Russian Technological University, Moscow, Russia

One of the reasons for the heavy hindering of the socio-economic development of modern Russia — is a new protracted wave of depopulation. In this regard, it is relevant and practically significant to analyze basic problems in the strategic management of demographic development and impartially assess the effectiveness of the tasks solved in this area, primarily in the field of birth rate growth. The article focuses on reviewing the core regulatory document in the field of demography — the Concept of the Demographic Policy of the Russian Federation for the period up to 2025. A number of its imperfections admitted at the development stage are identified, and directions for improving the document are proposed.

The article assesses the dynamics of several core target demographic indicators and attempts to identify problems and factors affecting the birth rate in the country. The correlations assessment confirmed the importance of social support measures and regional maternity capital for achieving the increase in the birth rate, which is essential for overcoming depopulation processes in society. A serious barrier to demographic development has been identified, caused by the widespread practice of postponing childbearing, which has demonstrated stability in the younger generation, regardless of the self-assessment of their standard of living. Against this background, the transformation

* Статья подготовлена на основе доклада на VII Научно-практической конференции аналитиков России «Новое мироустройство. Роль и место России», состоявшейся 19–21 октября 2022 года в г. Москве.

The article is based on a report at the VII Scientific and Practical Conference of Analysts of Russia «New World Order. The Role and Place of Russia», held in Moscow on October 19–21, 2022.

of the fertility age model was determined — the modal age of mothers for fifteen years has shifted by more than five years. There is a positive confirmation of the connection between the intention of young people to marry and their desire to have a child, which seems essential for family well-being and forms the prerequisites for further demographic development, based on the calculated Pearson and Chuprov's mutual contingency coefficients.

Keywords: demographic policy, depopulation, Concept of the demographic policy of the Russian Federation, demographic statistics, statistical methods, birth rate dynamics, population reproduction.

JEL: C15, C43, C80, I12.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71>.

For citation: Ageev A.I., Zolotareva O.A. Demographic Policy in Russia: Performance Evaluation. *Voprosy Statistiki*. 2023;30(2):53–71. (In Russ.)

Введение

После распада СССР наблюдается поэтапный процесс ухудшения демографической ситуации, депопуляции населения, который вполне реалистично диагностируется как катастрофа. Ее причины не сводятся лишь к исчезновению «геополитической реальности СССР», создавшей надолго отягощающее экономическое влияние на демографическое поведение населения. Комплекс причин не ограничивается и известными последствиями демографического перехода вследствие урбанизации. Демографическое поведение чувствительно к процессам, формирующим образ жизни и мировоззрение общества. Россия с распадом СССР выбрала курс на вхождение в западное сообщество едва ли не любой ценой, в том числе и путем открытия экономики, границ и информационного пространства, импорта не только экономических, но и социальных институтов. Образцы западного поведения, благодаря открывшейся свободе информации, СМИ и Интернету, интенсивно осваивались в новой России, опираясь на совершенный геополитический и экономический выбор, закрепленный в законодательстве, имущественных отношениях, системе образования и здравоохранения.

Неизбежным итогом стали деградация института семьи, снижение ценности семьи с детьми, изменение модели демографического поведения населения: граждане стали создавать семьи в более позднем возрасте, легче идти на разводы, распространились внебрачная рождаемость и всевозможные неформальные союзы, снизилась ценность «детности».

Особо следует выделить информационное противостояние с Западом. С завершением «холодной войны» и «деидеологизацией» возникла массовая иллюзия о прекращении идеологической «битвы идей». Однако оказание целенаправленного воздействия на население враждебного государства посредством различных форм и методов пропаганды, экспансия и популяризация определенных идей и убеждений, взглядов и слухов, подрывающих традиционные ценности¹, не исчезли из нормативных предписаний ставшего «партнером» западного мира. Россия, открывшись миру, неизбежно вошла в зону риска и для демографических процессов как по линии миграционных изменений, так и культурно-демографических установок населения.

Итогом трансформации менталитета и демографических установок стало сокращение рождаемости с 1989 по 1999 г. в 1,8 раза (с 14,6 до 8,25‰) (рис. 1).

¹ В январе 1983 г. президент США Р. Рейган подписал директиву № 77, озаглавленную «Руководство общественной дипломатией, связанной с целями национальной безопасности». Эта директива давала более широкое определение государственной дипломатии и утверждала, что она «включает также мероприятия правительства США, направленные на обеспечение поддержки нашей политики национальной безопасности». Также директива подразумевала организацию и проведение широкого круга информационно-культурных мероприятий и координировала общественную, информационную, политическую деятельность администрации США, а также работу теле- и радиовещания. В начале 80-х годов США смогли добиться информационного доминирования над СССР: контролировали 75% мирового потока телевизионных программ, 50% демонстрационного времени кинофильмов, 90% телевизионных новостей. (Панарин И.Н. Глава X. Р. Рейган — модернизация доктрины информационной войны. URL: <http://www.x-libri.ru/elib/panrn000/00000094.htm>). В 1998 г. президенту США Б. Клинтону был представлен доклад РЭНД-Корпорейшн «Strategic Informational Warfare Rising» («Возрастание значения информационного противостояния», MR-964-OSD). В нем формулировались задачи «информационного противостояния второго поколения», то есть основанного на успешном, с точки зрения руководства США, опыте «холодной войны» против СССР, среди которых: подмена у граждан иностранных государств традиционных нравственных ценностей и ориентиров созданием атмосферы бездуховности, разрушение национальных духовно-нравственных традиций и культивирование негативного отношения к культурно-историческому наследию. (Американская стратегия «тайной войны» против СССР. URL: <https://istoriki.su/istoricheskie-temy/poslevoenny-period-sssr/708-amerikanskaya-strategiya-taynoy-voyny-protiv-sssr.html>).

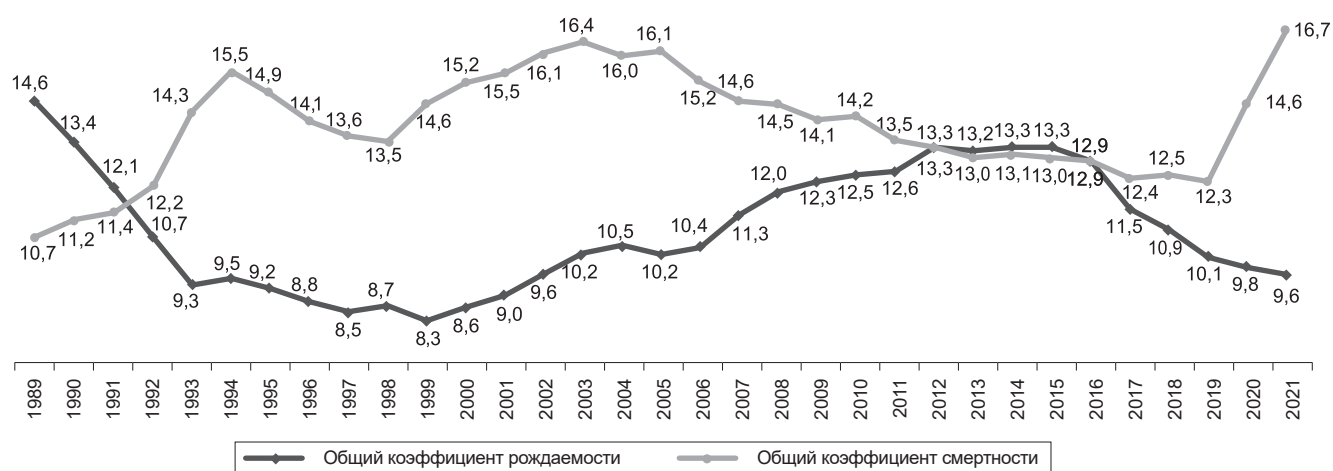

Рис. 1. Динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности в России в 1989–2021 годах (промилле)

Источник: построено авторами по данным Росстата.

В 1992 г. впервые в послевоенный период естественный прирост населения сменила убыль, уровень смертности населения стал выше уровня рождаемости и соответствующие кривые, отображающие динамику показателей, пересеклись — это явление получило название «русский крест» [1].

Естественная убыль населения в 1992 г. составила 220 тыс. человек, существенно поднявшись в 1993 г. до 750 тыс. человек. Вплоть до 2006 г. этот показатель не уходил ниже 700 тыс.

С 2006 г. в России стали предприниматься меры активной демографической политики, подкрепляемой финансовыми ресурсами. Основная мера была предложена Президентом Российской Федерации в 2006 г. в Послании Федеральному Собранию² — «материнский капитал». Данная стратегическая инициатива вызвала репродуктивное оживление в стране, и уже в 2007 г. численность родившихся возросла на 130 485 человек (для сравнения за 2006 г. рост составлял лишь 22 261 человек). В октябре 2007 г. Указом Президента страны была утверждена «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»³.

Пандемия, вызванные ею меры реагирования на фоне вступления в репродуктивный возраст когорт, родившихся в 1990-е годы «русского креста», привели к новой волне депопуляции. Демографическая политика сегодня уже воспринимается не как одна из функциональных наряду с другими, а как неотъемлемая составляющая го-

сударственной политики, направленной на обеспечение национальной безопасности, решение приоритетных проблем, связанных с жизнеобеспечением и жизнедеятельностью человека, общества, страны [2].

Демографическая политика в России

Государство, реализуя свою власть, осуществляет чрезвычайно сложную деятельность — государственное управление [3, с. 4–8], базирующееся на выполнении аналитической работы, связанной с выработкой обоснованных предложений (решений) и рекомендаций по разрешению многосложных жизненно важных управленческих задач [3, с. 9–27]. Приоритетом подобной деятельности определяется достижение комплексной национальной безопасности, представляющей собой единую, целостную, системную категорию, которая предполагает всестороннюю, глубокую аналитику на базе большого набора взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов [4]. Фундаментальные, обобщенные, взаимосвязанные и взаимообусловленные компоненты национальной безопасности представлены на рис. 2. Среди них демографическая выступает той краеугольной опорой, без которой государственная и общественная, культурно-идеологическая, военная, экономическая и прочие обобщенные виды национальной безопасности (в частности, на детализированном уровне,

² Послание Президента Российской Федерации от 10.05.2006 г. б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23819/page/1> (дата обращения 03.11.2022).

³ Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения 03.11.2022).

Рис. 2. Взаимосвязь демографической безопасности с различными аспектами национальной безопасности

например, радиационная, образовательная, интеллектуальная и т. д. безопасности) не имеют практического смысла.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента страны 2 июля 2021 г.⁴, определены национальные интересы страны, преобладающее значение среди которых при очевидной и бесспорной всей важности каждого из них отдано «сбережению народа России и развитию человеческого потенциала». В п. 32 указано: «Целями государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала являются устойчивый естественный рост численности и повышение качества жизни населения, укрепление здоровья граждан, сокращение бедности, снижение уровня социального и имущественного неравенства, повышение уровня образования населения, воспитание гармонично развитого и социально ответственного гражда-

нина»⁵. В п. 33 раскрываются задачи, решение которых определяет достижение поставленных целей, в частности «повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности»⁶.

Цели в области демографии являются предметом деятельности не только Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, но и целого ряда других стратегических документов (рис. 3), которые подчеркивают сложность и комплексность демографической повестки.

Совокупность представленных документов и ряда других указов, постановлений, распоряжений, а также Посланий Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию подтверждает комплексность, долгосрочность и базовую проработанность вопросов демографической политики. Резонно возникает необходимость оценки того, насколько провозглашенная демографическая политика является эффективной.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения 03.11.2022).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400)
Национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474)
Национальный проект «Демография» и актуализированный Паспорт НП «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)
Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351) и План мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2021 г. № 2580-р)
Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622)
Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р)
Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р)

Рис. 3. Основные стратегические документы
в области демографической политики в России

В целях достоверной оценки результативности демографической политики необходимо сформировать понимание сущности объекта управления. Именно на объект оказывается управленческое воздействие, без его очерчивания не представляется возможным осуществление целеполагания, постановки целей и задач демографической политики, определение параметров и критериев их достижения.

До настоящего времени нет единого подхода к определению понятия демографической политики. В обороте часто встречаются близкие по смысловому наполнению к демографической политике термины «политика народонаселения» и «семейная политика». Наиболее популярные подходы к сущности демографической политики представлены на рис. 4.

Как видно из данных трактовок однозначное понимание объекта демографической политики отсутствует. В большинстве из них четко прослеживается общая нить — управленческое воздействие должно быть направлено на формиро-

Боярский А.Я., Валентей Д.И., Кваша А.Я.	<i>Управление демографическими процессами</i> – целенаправленное формирование наиболее желательного (оптимального) в долгосрочной перспективе типа воспроизводства населения или закрепления параметров существующего типа, если он оптимален, путем осуществления комплекса взаимосвязанных мер. (Боярский А.Я., Валентей Д.И., Кваша А.Я. Основы демографии: Учеб. пособие. М.: Статистика, 1980)
Елизаров В.В., Кваша А.Я.	<i>Демографическая политика</i> – целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения. (Народонаселение: Энциклопедический словарь / Отв. ред. Г.Г. Меликян. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994)
Кучмаева О.В.	<i>Демографическая политика</i> представляет собой реализацию мер, направленных на обеспечение расширенного или хотя бы простого воспроизводства населения. (Кучмаева О.В. Демографическая политика, ее роль в развитии общества // Демография: учебник и практикум / под общ. ред. М.В. Карманова. М.: Юрайт, 2022)
Медков В.М.	<i>Демографическая политика</i> – деятельность государства, направленная на регулирование процессов воспроизводства населения. (Медков В.М. Демография. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2002)
Рыбаковский Л.Л.	<i>Демографическая политика</i> – это система общепринятых на уровне властных структур идей и концептуально объединенных средств, с помощью которых, прежде всего, государство, а также другие общественные институты, соблюдая определенные принципы, предполагают достижение в демографическом развитии страны (региона) поставленных целей. (Демография для практических работников: Методические рекомендации для специалистов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации / под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-информ, 2014)
Стешенко В.С., Пискунов В.П.	<i>Демографическая политика</i> – система мероприятий, непосредственно направленных на формирование желательного для общества осознанного демографического поведения его членов. (Демографическая политика: Сборник статей. Под ред. В.С. Стешенко, В.П. Пискунова. М.: Статистика, 1974)

Рис. 4. Некоторые подходы к определению понятия
«демографическая политика»

вание параметров воспроизводства населения, которые задаются. Формулировки В.С. Стешенко и В.П. Пискунова (социологический подход) содержат именно данный смысл, так как демографическое поведение определяется совокупностью матримониальных, репродуктивных, самосохранительных и миграционных установок как системы регуляторов действий и отношений, опосредующих формирование демографических процессов, определяющих воспроизводство населения.

Комплексная трактовка объекта демографической политики дана Л.Л. Рыбаковским. В ней предполагается, что управленческое воздействие должно формировать демографическое развитие, которое определяется в текущем или будущем «количественном изменении и качественном преобразовании демографических процессов» [5].

Действующая Концепция демографической политики (далее — Концепция), занимающая центральную позицию среди прочих нормативных документов в области стратегического управления демографическим развитием, в целом, соответствуя указанному определению, все-таки перегружена задачами и направлениями, в частности, сугубо социального характера. Однозначно ответить на вопрос почему в составе Концепции присутствует серьезный социальный блок затруднительно. Первично можно исходить из того, что в Концепции не предусмотрено раскрытие объекта управления в области демографии, в то время как именно в такого рода нормативном документе как «концепция», прежде всего, должны быть закреплены трактовки понятий⁷ [6], смысловые значения (от лат. *conceptio* — понимание). В первом разделе Концепции «Общие положения» сразу прописываются задачи и показатели (увеличить продолжительность жизни населения, сократить уровень смертности, увеличить рождаемость и т. д.), а также указывается, что при выполнении данных задач должно быть «улучшение на этой основе демографической ситуации в стране»⁸. Важнейшие категории, включая исходные — «демографическая политика», «демографическая ситуация» в документе не прописаны. Сама Концепция по своему внутреннему содержанию представляется «стратегией», но, как правильно отмечает Л.Л. Рыбаковский, тогда нужно «политику» менять на «развитие», так как «развитие» относится к понятию «стратегия», а «политика» — к понятию «концепция». Между этими категориями существует соподчиненная связь, обусловленная их содержанием и целевой направленностью [5]. Л.Л. Рыбаковский также справедливо отмечает, что Концепция в целом несовершенна, в той связи, что в документ включаются аспекты, относящиеся к социальной политике: «в разделе “Цели, принципы, задачи ...” пишется, что “целями демографической политики ...являются... повышение качества жизни и увеличение продолжительности жизни...” Здесь же приводятся пороговые значения для 2015 и 2025 гг. численности населения и продолжительности жизни» [7]. Это провоцирует рассеивание внимания госу-

дарства и ослабление внимания к специфическим демографическим процессам, прежде всего, рождаемости, а также ставит вопросы мониторинга: о результативности демографической политики следует говорить в контексте статистической оценки динамики уровня бедности, дифференциации доходов населения, общей аварийной площади жилых помещений и т. п. (если среди целей обозначено повышение качества жизни)?

К сожалению, следует констатировать, что неопределенность общих вопросов в стратегических нормативных документах присутствует не только в демографической концепции. Это создает риск последующей неэффективности практических действий.

Оценка результативности демографической политики в России: диагностика состояния и факторов

В свете исполнения Указа Президента Российской Федерации от 08.11.2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации»⁹ сегодня с новой силой звучит вопрос качественного мониторинга и контроля процессов реализации документов, в частности, касающихся демографического развития страны.

В рассмотренных выше стратегических документах в области демографической политики утверждены индикаторы (прямые и/или косвенные), позволяющие в той или иной мере оценить эффективность реализуемых мер. В части данных нормативных документов подобные индикаторы уже заложены, часть документов дополнена соответствующими указами и распоряжениями. Например, в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года прописан ряд целевых показателей, однако, она дополнена Планом мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции (далее — План). Если в Концепции к 2025 г. ставилась задача сократить младенческую смерт-

⁷ Концепция, доктрина, стратегия: уточнение содержания и соотношения понятий. URL: <https://gatamanov.blogspot.com/2020/11/blog-post.html> (дата обращения 04.11.2022).

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения 04.11.2022).

⁹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244> (дата обращения 04.11.2022).

ность не менее чем в 2 раза¹⁰ (она уже выполнена), то в Плане указанная задача уточняется — снижение младенческой смертности определено до уровня до 4,5 случаев на 1000 родившихся живыми в 2024 г.¹¹ При этом отсутствует корректировка целевого показателя по росту в 1,5 раза по сравнению с 2006 г. суммарного коэффициента рождаемости, а это тот индикатор, который при всех реализуемых механизмах и мерах, направленных на увеличение рождаемости, достигнут не будет.

В соответствии с Концепцией целью демографической политики является создание усло-

вий для роста численности населения к 2025 г. до 145 млн человек. Однако остается открытым вопрос о том, какие факторы будут предопределять достижение данной цели: реализуемые меры демографической политики, введенные на федеральном и региональном уровнях, и/или иные возможные социально-экономические или политические решения, среди которых — территориальное расширение государства (пример в недавней практике уже был — положительный прирост населения России в 2014 г. (рис. 5); какой прирост численности ожидать на 1 января 2023 г.¹²).

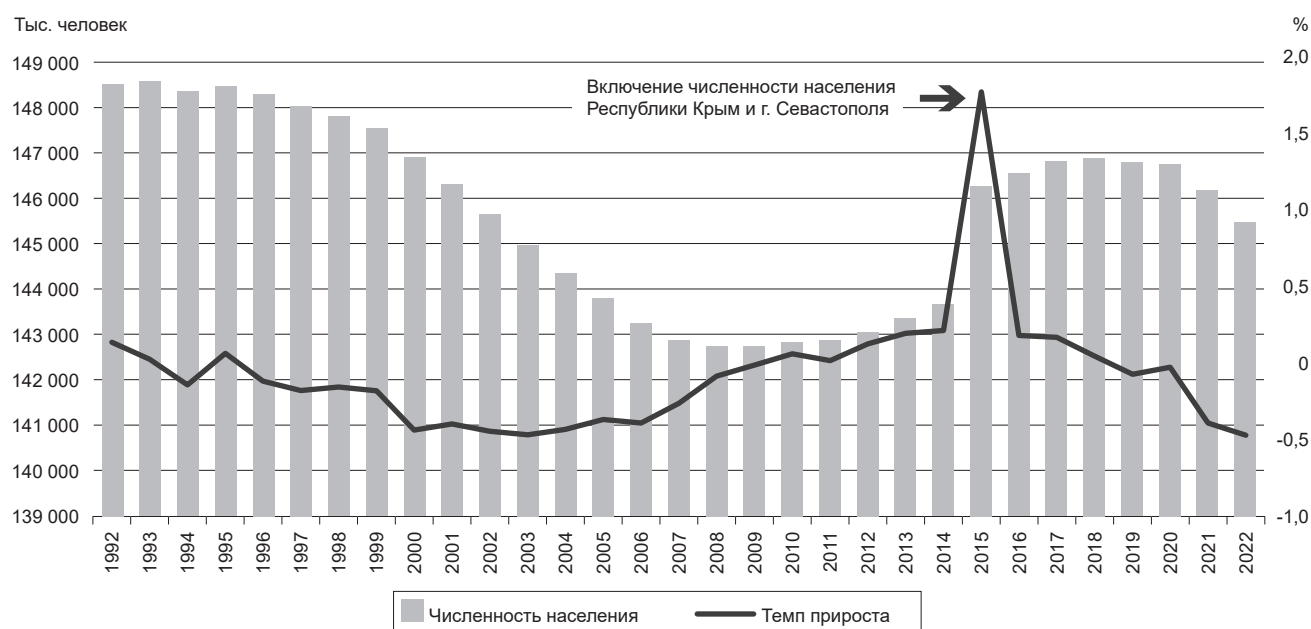

Рис. 5. Динамика численности населения России в 1992–2022 годах (на 1 января)

Источник: построено авторами по данным Росстата.

Анализ возрастной структуры населения, сформированной на 1 января 2022 г., дает основания полагать, что сложившаяся демографическая конъюнктура явно не способствует ни росту рождаемости, ни увеличению численности населения (рис. 6). Население России регрессивное, стареющее, что детерминирует множество демографических и социально-экономических проблем (дефицит молодых трудовых ресурсов;

высокая экономическая нагрузка пожилыми людьми и другие).

На основе половозрастной пирамиды населения передвижкой возрастов можно без дополнительных расчетов предполагать о дальнейшей динамике рождаемости. Сокращающаяся по численности когорта женщин фертильного возраста не сможет родить большую численность детей.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения 04.11.2022).

¹¹ План мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/QFHNS7LF3pa7KdeiThGuxg90XpAnvYdh.pdf> (дата обращения 04.11.2022).

¹² Четыре новых региона включены в перечень субъектов РФ: что теперь поменяется. URL: <https://rg.ru/2022/10/06/chetyre-novyh-regiona-vkliucheny-v-perechen-subektov-rf-chto-teper-pomeniaetsia.html> (дата обращения 04.11.2022).

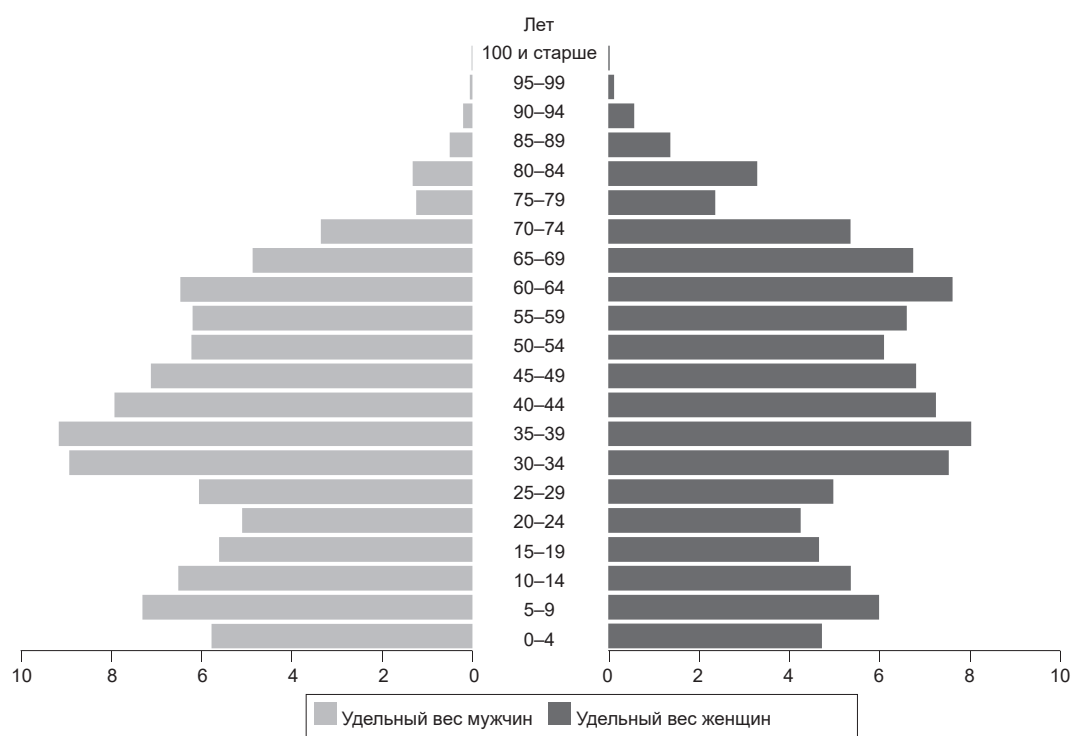

Рис. 6. Половозрастная пирамида населения России на 1 января 2022 года (в процентах)

Источник: рассчитано и построено авторами по данным Росстата.

Когорты женщин фертильного возраста не будут замещаться в полном объеме. В ближайшие пять лет уровень замещения женщин репродуктивного возраста составит 78,8%, то есть на каждую 1000 женщин, выходящих из поколения родителей, будет вступать в возраст родителей лишь 788 девушек; в ближайшие пятнадцать лет уровень замещения составит 72,8% (рис. 7). У мужчин также наблюдается суженное замещение, его уровень составит в ближайшие 5 лет 91,4%. Указанное обуславливает в перспективе

сокращение численности родившихся, что затрудняет и, можно сказать, предопределяет затяжной период второй волны естественной депопуляции. Ситуация усугубляется тем, что внутри репродуктивного возраста в ближайшие годы будет наблюдаться его постарение, в активный репродуктивный возраст (25–29 лет) будет вступать малочисленная когорта, а из возраста 30–39 лет переходить в более старшие возраста наибольшая по численности когорта населения.

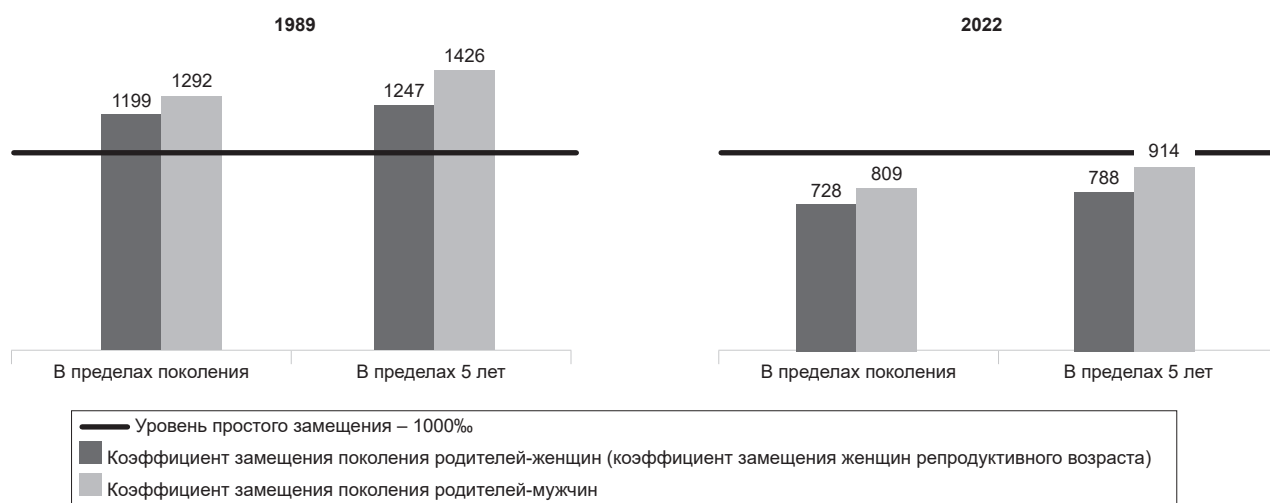

Рис. 7. Коэффициенты замещения поколений в России на 1 января 1989 и 2022 годов (промилле)

Источник: рассчитано и построено авторами по данным Росстата.

Представленные тенденции подтверждаются прогнозными данными Росстата¹³: в 2030 г. численность женщин в возрасте 25–29 лет (наиболее репродуктивно-активный возраст) составит 3697 тыс. человек (высокий вариант прогноза), сокращение в сравнении с численностью на 1 января 2022 г. почти на 200 тыс. человек. (Справочно: по среднему варианту прогноза Росстата в 2030 г. численность женщин в возрасте 25–29 лет будет равна 3659 тыс. человек; по низкому варианту прогноза – 3555 тыс. человек). При условии, что численность женщин указанного активного фертильного возраста ранее сокращалась (на 1 января 2016 г. она составляла 6 123 257 человек и по 2022 г. уменьшилась до 3 885 152 человек – более чем на 2238 тыс. человек, или на 36,55 %) ¹⁴, опасения за перспективы репродуктивного и трудового потенциала страны приобретают более острый характер.

Общий коэффициент рождаемости вычисляется по формуле:

$$n = F \times d_w, \quad (1)$$

где F – специальный коэффициент рождаемости (уровень рождаемости женщин в репродуктивном возрасте); d_w – доля женщин репродуктивного возраста (от 15 до 49 лет) в общей численности населения.

Влияние изменения возрастной структуры женщин фертильного возраста на рождаемость подтверждается результатами индексного анализа, проведенного в два этапа. На первом этапе оценено влияние изменений на динамику общего коэффициента рождаемости:

$$n = \frac{N}{\bar{S}} \times 1000,$$

где N – численность родившихся, $\bar{S}$ – среднегодовая численность населения.

На втором этапе оценено влияние изменений на динамику специального коэффициента рождаемости:

$$F = \frac{N}{\bar{W}_{15-49}} \times 1000,$$

где $\bar{W}_{15-49}$ – среднегодовая численность женщин фертильного возраста.

Исходя из этого можно вывести следующую взаимосвязь:

$$J_{\text{переменного состава}} = \frac{n^1}{n^0} = \frac{F^1 \times d_w^1}{F^0 \times d_w^0} = \frac{F^1 \times d_w^1}{F^0 \times d_w^1} \times \frac{F^0 \times d_w^1}{F^0 \times d_w^0} = J_{\text{постоянного состава}} \times J_{\text{структурных сдвигов}}, \quad (2)$$

где n^0 – общий коэффициент рождаемости в 2006 г. (10,3‰); n^1 – общий коэффициент рождаемости в 2021 г. (9,6‰); d_w^0 – доля женщин репродуктивного возраста в общей численности населения в 2006 г. (0,275); d_w^1 – доля женщин репродуктивного возраста в общей численности населения в 2021 г. (0,234); F^0 – специальный коэффициент рождаемости в 2006 г. (37,7‰); F^1 – специальный коэффициент рождаемости в 2021 г. (41,028‰).

Первый сомножитель в правой части приведенной формулы (2) измеряет вклад в динамику общего коэффициента рождаемости от изменения уровня рождаемости женщин репродуктивного возраста, а второй – от изменения доли женщин репродуктивного возраста в общей численности населения.

$$J_{\text{переменного состава}} = 0,93 = 1,09 \times 0,85$$

Исходя из индексной модели сокращение общего коэффициента рождаемости за период с 2006 по 2021 г. на 7% обусловлено уменьшением доли женщин репродуктивного возраста в общей численности населения.

Обозначив возрастные коэффициенты рождаемости женщин в рамках репродуктивного возраста через F_x ; возрастную структуру женщин репродуктивного возраста – d_{wx} :

$$F = \sum_{x=15}^{49} F_x d_{wx}. \quad (3)$$

Исходя из этого можно вывести следующую взаимосвязь:

$$J_{\text{переменного состава}} = \frac{F^1}{F^0} = \frac{F_x^1 \times d_{wx}^1}{F_x^0 \times d_{wx}^0} = \frac{F_x^1 \times d_{wx}^1}{F_x^0 \times d_{wx}^1} \times \frac{F_x^0 \times d_{wx}^1}{F_x^0 \times d_{wx}^0} = J_{\text{постоянного состава}} \times J_{\text{структурных сдвигов}}, \quad (4)$$

где d_{wx}^0 – возрастная структура женщин репродуктивного возраста в 2006 г.; d_{wx}^1 – возрастная структура

¹³ Росстат. Демография. Демографический прогноз до 2035 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>. По состоянию на ноябрь 2022 г. в разрезе пола и пятилетних групп актуализированный прогноз на сайте Росстата не представлен (дата обращения 12.11.2022).

¹⁴ Справочно: с 2006 по 2015 г. численность женщин в возрасте 25–29 лет характеризовалась увеличением с 5 531 314 человек до 6 240 741 человека (более чем на 709 тыс. человек, или на 12,8%).

ра женщин репродуктивного возраста в 2021 г.; F_x^0 — возрастные коэффициенты рождаемости женщин в рамках репродуктивного возраста в 2006 г.; F_x^1 — возрастные коэффициенты рождаемости женщин в рамках репродуктивного возраста в 2021 г.

Первый сомножитель в правой части приведенной формулы (4) измеряет вклад в изменение специального коэффициента рождаемости

от изменения возрастной рождаемости женщин, а второй — от изменения возрастной структуры женщин репродуктивного возраста.

Полученные результаты вычисления индексов подтвердили сокращение рождаемости за счет изменений возрастной структуры женщин репродуктивного возраста:

$$J_{\text{переменного состава}} = 1,0898 = 1,2493 \times 0,8723.$$

Таблица 1

Численность женщин и возрастные коэффициенты рождаемости женщин по возрастам в 2006 и 2021 годах

Показатели	Возрастные группы, лет							
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	15–49
Численность женщин в среднем в 2006 г., тыс. человек	5 621,0	6 198,3	5 559,8	5 224,5	4 792,9	5 521,5	6 374,4	39 292,3
Численность женщин в среднем в 2021 г., тыс. человек	3 598,6	3 326,8	4 033,2	6 015,0	6 191,6	5 637,5	5 272,4	34 075,1
Возрастные коэффициенты рождаемости женщин в рамках репродуктивного возраста в 2006 г., ‰	28,6	85,8	78,2	46,8	18,7	3,1	0,1	37,7
Возрастные коэффициенты рождаемости женщин в рамках репродуктивного возраста в 2021 г., ‰	13,5	70,6	94,8	71,0	40,1	9,5	0,6	41,0

Примечание. Возрастные коэффициенты рождаемости женщин в рамках репродуктивного возраста — число родившихся на 1000 женщин соответствующего возраста.

Источник: построено авторами по данным Росстата.

Под влиянием изменения возрастной структуры женщин при неизменной интенсивности возрастной рождаемости, фиксируемой на уровне 2006 г., специальный коэффициент рождаемости к 2021 г. сократился на 12,77%. Данное уменьшение было нивелировано ростом интенсивности рождаемости в возрастах 25–29 лет, 30–34 года, 35–39 лет и старше.

В целом результаты проведенного индексного анализа в совокупности с представленным выше анализом и прогнозными оценками Росстата, говорящими о предполагаемом сокращении женщин фертильного возраста, дают все основания полагать о дальнейшем уменьшении уровня рождаемости женщин репродуктивного возраста. Отметим, что снижение специального коэффициента рождаемости фиксируется после 2015 г., в котором был достигнут максимум (54,6‰) за период реализации Концепции демографической политики.

Помимо структурного фактора негативным для демографического развития представляется наблюдаемый в России процесс «старения рождаемости», который подтверждает Минздрав России¹⁵. В период с 1991 по 2008 г. в на-

шей стране наибольшее число родившихся детей приходилось на женщин в возрасте 20–24 года (в 2008 г. на долю матерей этого возраста приходилось 32,8% родившихся детей, 25–29 лет — 30,9%, 30–34 года — 18,8%). С 2009 по 2018 г. наибольшее число детей рожали женщины в возрасте 25–29 лет, с 2019 г. по настоящее время максимальное число рождений приходится на женщин в возрасте 30–34 года, в 2019 г. — 30,5% (рис. 8). Рисунок демонстрирует снижение числа родившихся у женщин в возрастной группе 20–24 года, рост рождаемости после 30 лет и смещение пика числа родившихся к возрастной группе матерей 25–29 лет. Это очень грубые оценки, поскольку абсолютные числа родившихся зависят в том числе и от особенностей возрастной структуры. Однако и возрастные коэффициенты рождаемости проявляют тенденцию к смещению в сторону более старших возрастов. В 2021 г. максимальное значение возрастного коэффициента рождаемости приходилось на возрастной интервал 25–29 лет — 94,8‰. Следующее по величине значение приходится на возрастную группу 30–34 года — 71,0‰. Средний возраст матери составил 28,8 года (в то время как в 1991 г. он был равен 25,0 года)¹⁶.

¹⁵ Подмена социальных причин медицинскими: что не так с рождаемостью в РФ. URL: <https://news.ru/society/podmena-socialnyh-prichin-medicinskimi-cto-ne-tak-s-rozhdaemostyu-v-rf/> (дата обращения 27.12.2022).

¹⁶ Демографический ежегодник России. 2021. Стат. сб. Росстат. 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dem21.pdf> (дата обращения 01.11.2022).

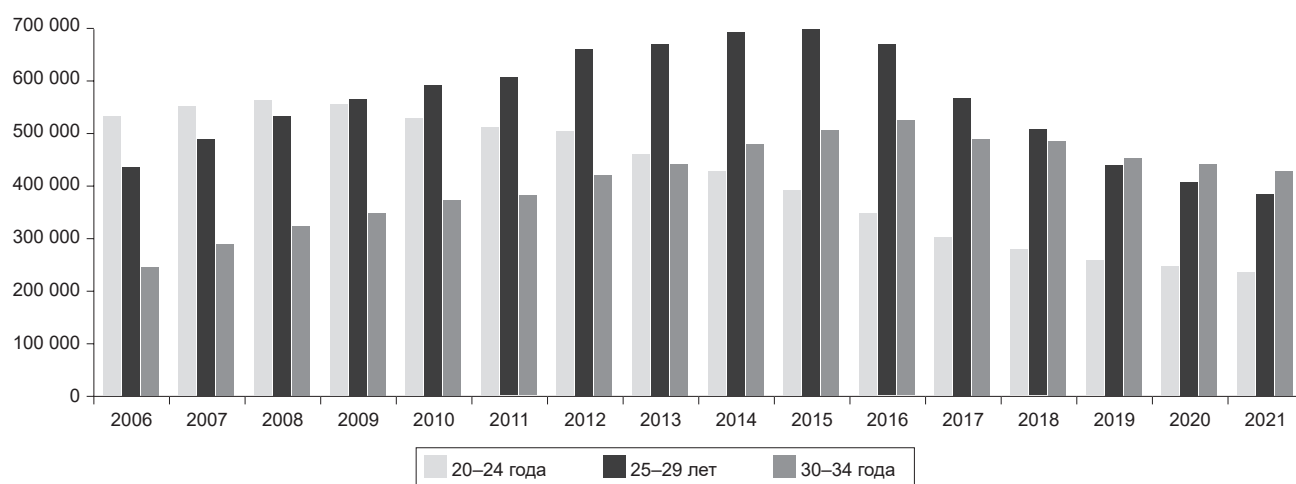

Рис. 8. Численность родившихся у матерей в возрасте от 20 до 34 лет в 2006–2021 годах (человек)

Источник: построено авторами по данным Росстата.

Фиксируется также и увеличение модального возраста матерей по очередности родившихся, как свидетельство об откладывании рождений на более зрелые возраста [8], что приводит к ряду проблем. В репродуктивном (фертильном) возрасте женщины отдельно выделяется поздний репродуктивный возраст (после 35 лет) [9]. Этот возраст характеризуется множеством рисков, при этом с возрастом они становятся более серьезными. Фертильность (способность пары к зачатию) снижается с возрастом как у женщин, так и у мужчин, но наиболее ярко выражена эта тенденция у женщин. Для женщин в возрасте 40 лет и старше шансы наступления беременности не превышают 5%, более того, на ранних сроках существенно возрастает риск потери беременности от 34 до 52% [10]. Следовательно, откладываемые «на потом» рождения могут так и не реализоваться.

Имеющийся результат — это, в частности, проигранная информационная война. Идеология создания семьи в более позднем возрасте, «откладывание рождения ребенка», в целом снижение ценности традиционной семьи и «детности» пришли в Россию с Запада, где данные тренды в ряде европейских стран привели к бездетности и суженному замещению поколений [11–14]. В конце 80-х, в 90-е годы XX века на российское общество оказывалось целенаправленное активное воздействие Запада, например, посредством наводнения телеэфира фильмами, в которых демонстрируются успешные семьи с родителями-

одиночками в противовес конфликтным, а порой бедным нуклеарным семьям с двумя родителями и детьми, прослеживается озабоченность вопросами гендерного равенства (формируется женская эмансипация), правами сексуальных меньшинств (показ семейных практик, основанных на однополых браках) и т. п.

Демографическая установка «откладывание рождения ребенка» представляется серьезной угрозой для демографического развития России. Меры воздействия на данное направление в настоящее время не проработаны, а сложность в достижении перелома этой устоявшейся тенденции определяется и тем, что принятие решения «откладывание рождения ребенка» не зависит от материальной составляющей. Об этом говорят результаты проведенного в 2020 г. на базе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН) Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России»¹⁷, охватившего 10 субъектов Российской Федерации, входящих в состав разных федеральных округов (г. Москва, Московская область, республики Башкортостан и Татарстан, Ставропольский край, Вологодская, Волгоградская, Ивановская, Нижегородская и Свердловская области).

Особое внимание при анализе феномена «откладывание деторождений» было уделено оценке мнений молодых респондентов в возрасте

¹⁷ Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие регионов России», проведенное в конце 2019 — начале 2020 гг. в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Северо-Кавказском, Южном федеральных округах. Рук. д. соц. н., профессор Т.К. Ростовская. URL: Демографическое-самочувствие-регионов-России-Национальный-демографический-доклад-2020.pdf (xn--h1aauh.xn--p1ai) (дата обращения 10.10.2022).

18–35 лет (границы включаются), не состоящих в браке и не имеющих детей. Их численность из общей совокупности составила 1541 человек.

Итоги исследования сведены в таблицу 2, представляющую сопряженность ответов не состоящих в браке молодых людей и девушек по оценке зависимости намерений вступить в брак и рождению ребенка. Данные ответов респондентов распределились следующим образом: 838 человек выразили свое намерение вступить в брак

(54,38%), 395 человек однозначно указали, что вступать в брак не собираются и 308 респондентов затруднились с ответом. При этом из всей совокупности опрошенных 89 человек указали, что либо уже ждут ребенка (14 респондентов, из них 8, или 57,14%, намерены вступить в брак), либо планируют родить ребенка в ближайшее время (75 респондентов, из них 58, или 77,33%, намерены вступить в брак).

Таблица 2

Сопряженность ответов молодых людей и девушек, не состоящих в браке, по оценке зависимости их намерения начать будущую супружескую жизнь и рождения в их семье ребенка
(в процентах)

Собираетесь ли вы вступить в брак?	Собираетесь ли вы иметь ребенка?					Итого
	Мы уже ждем ребенка	Да, в ближайшее время	Да, но несколько позже, пока откладываем	Нет	Трудно сказать	
Да	0,52	3,76	31,73	4,09	14,28	54,38
Нет	0,39	0,71	2,99	14,08	7,46	25,63
Трудно сказать	0,00	0,39	6,10	3,44	10,06	19,99
Итого	0,91	4,86	40,82	21,61	31,80	100,00

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России».

Рассчитанный критерий χ^2 (chi-square statistic), равный 499,140 и больший $\chi^2_{\text{табл.}}$ (15,507 при 5%-м уровне значимости), подтвердил гипотезу о наличии связи между намерением респондентов вступить в брак и их желанием родить ребенка. Теснота/сила связи умеренная, о чем говорят коэффициенты взаимной сопряженности Пирсона и Чупрова, соответственно равные 0,501 и 0,339.

Однако среди респондентов, изъявивших желание начать супружескую жизнь и родить ребенка, большая их часть (489 человек, или 58,35%) указали,

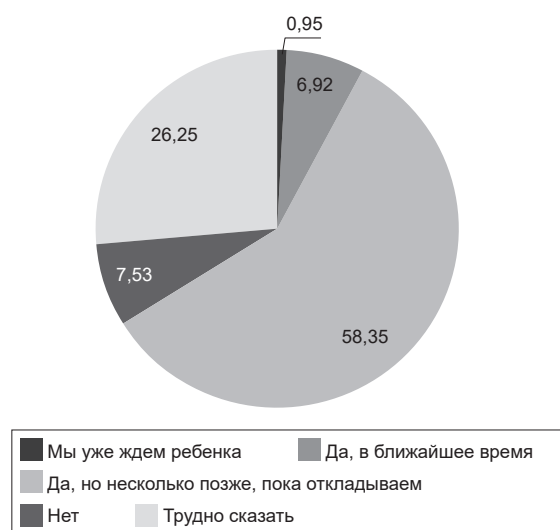

Рис. 9. Структура ответов молодых людей и девушек, изъявивших желание начать супружескую жизнь, на вопрос «Собираетесь ли вы иметь ребенка?» (процентов)

что откладывают рождение ребенка, и лишь 7,87% (66 человек) либо уже ждут ребенка, либо планируют родить ребенка в ближайшее время (рис. 9).

Таким образом, у молодежи сформирована установка рождения ребенка в браке, однако четко прослеживается линия демографического поведения в направлении «откладывание деторождений» на более позднее время. При этом анализ также был проведен в контексте групп респондентов, выделяемых по их самооценке уровня жизни, который выявил те же зависимости, но показал и особенности: со снижением самооценки уровня жизни уверенность в принятии решения о начале супружеской жизни снижается, но остается преобладающей (даже при низкой самооценке уровня жизни (от 1 до 4 баллов из возможных 10 баллов) 45,36% респондентов выражают желание вступить в брак, оставшаяся часть примерно в равных долях распределяется между теми, кто не собирается вступать в брак – 25,68%, и теми, кто затрудняется с ответом – 28,96%), в то время как принятие решения о рождении ребенка переходит в ярко выраженную неопределенность (из числа опрошенных с низкой самооценкой уровня жизни 50,82% респондентов указали, что затрудняются с ответом на вопрос «Собираетесь ли вы иметь ребенка?») [15].

Следовательно, можно предположить, что на перелом тенденции «откладывание рождения» первого ребенка существенно не влияет самооценка

уровня жизни молодой семьи, что определяет необходимость проведения дополнительных исследований, позволяющих выявить причины откладывания рождения первого ребенка в целях выработки и внедрения узконаправленных, избирательных мер демографической политики, которые позволят нивелировать указанный тренд и минимизировать исходящую от него угрозу сохранения имеющейся на сегодня двухдетной модели семьи (возмож-

ному переходу к однодетной модели и/или, как крайнее предположение — распространению/росту доли бездетных семей [10 и 15]).

Вся представленная аналитика однозначно говорит о существенных преградах для выполнения целевого значения по суммарному коэффициенту рождаемости, утвержденного в Концепции — увеличение показателя к 2025 г. в 1,5 раза в сравнении с 2006 г.

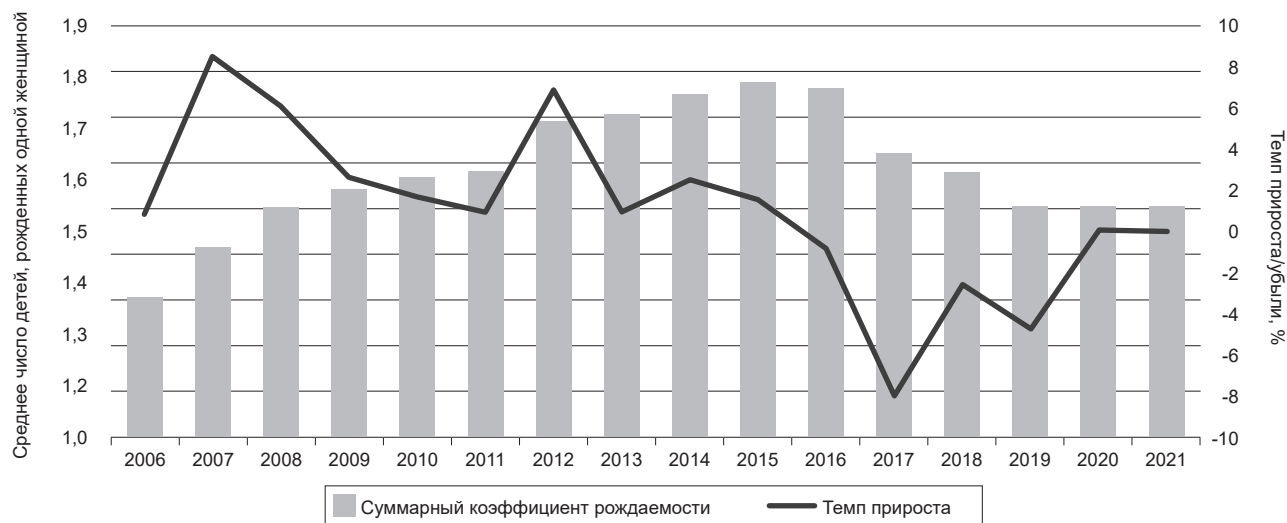

Рис. 10. Суммарный коэффициент рождаемости в России в 2006–2021 годах

Источник: построено авторами по данным Росстата.

Ретроспективная динамика суммарного коэффициента рождаемости позволила выделить две вехи в развитии (рис. 10):

— 2006–2015 гг. (определяется рост рождаемости под влиянием введенных мер демографической политики): среднее ежегодное значение суммарного коэффициента рождаемости в России за 10 лет составило 1,584; в среднем ежегодно показатель увеличивался на 3,49% (с 1,305 до 1,777 ребенка на одну женщину);

— 2016–2021 гг. (изменения рождаемости детерминируются совокупностью федеральных и региональных мер, однако их воздействие на население не дает эффект, наблюдаемый в предыдущем десятилетии): среднее ежегодное значение суммарного коэффициента рождаемости за 6 лет составило 1,568; в среднем ежегодно показатель сокращался на 3,35% (до уровня 1,436 рожденных на одну женщину в 2021 г.).

Результативность проводимой активной демографической государственной политики различна в региональном разрезе, о чем свидетельствуют данные о суммарном коэффициенте рождаемости

(рис. 11). Это определяется как отличительными региональными демографическими мерами (например, наличием и размером регионального материнского капитала, который введен не во всех субъектах страны), так и существенным уровнем межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии самих субъектов Российской Федерации.

Процесс рассеяния значений суммарного коэффициента рождаемости по регионам России представлен в виде графика, отображающего медианное значение показателя среди субъектов страны, среднее арифметическое, нижний и верхний квартили (нижняя и верхняя границы нормальности), минимальное и максимальное значение и выбросы (аномалии). В 2021 г. 50% всех регионов характеризовались значениями суммарного коэффициента рождаемости в пределах от 1,280 до 1,556, это границы $\frac{1}{4}$ и $\frac{3}{4}$ квартилей, но если смотреть по максимальному и минимальному значению, то границы, в которых распределены значения показателя по регионам, находятся в области от 1,062 до 1,946. Значения

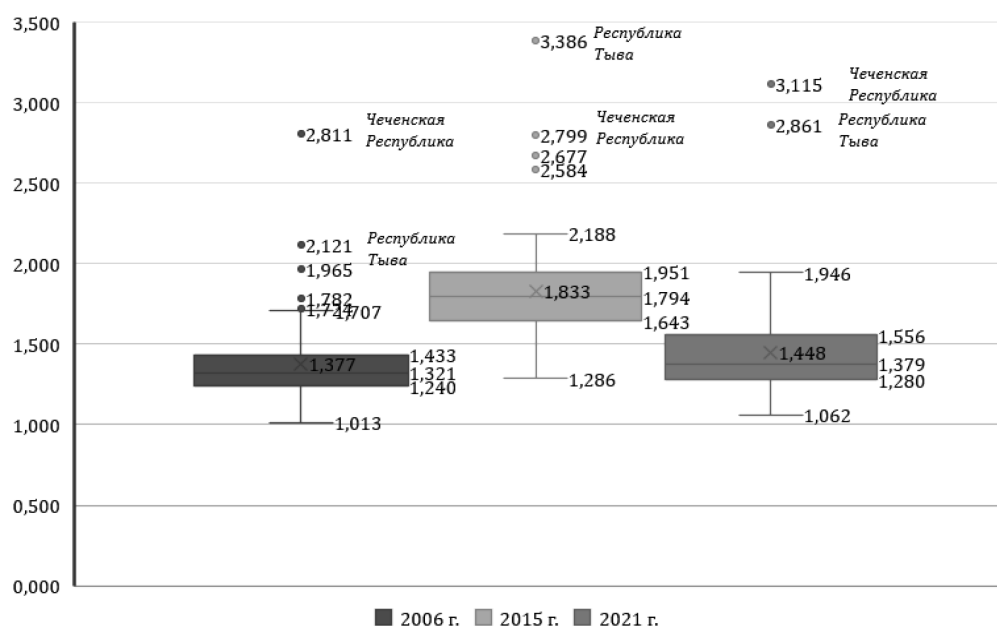

Рис. 11. Диаграмма рассеяния значений суммарного коэффициента рождаемости по регионам России

Источник: построено авторами по данным Росстата.

суммарного коэффициента рождаемости для Чеченской Республики и Республики Тыва являются аномальными среди 85 субъектов России. Чеченская Республика и Республика Тыва в рейтинге регионов по суммарному коэффициенту рождаемости занимают соответственно 1-е и 2-е место и характеризуются расширенным воспроизводством населения, в отличие от подавляющего большинства субъектов Российской Федерации.

Детерминантами, формирующими подобные различия в уровне рождаемости населения регионов России, выступают меры государственной поддержки семей с детьми (помимо сложившихся матримониальных установок, существующих традиций). Например, в Республике Тыва в 2021 г. средний размер регулярной (ежемесячной) денежной выплаты, предоставляемой получателям при рождении третьего и последующих детей за счет средств консолидированного бюджета региона, составил 12 509 руб. в месяц на одного получателя (48,71% от среднедушевого дохода, равного 25 683 руб. в месяц¹⁸, что немаловажно в контексте борьбы с бедностью) [16].

Рассчитанные коэффициенты корреляции (уровень значимости 0,05) по данным за 2021 г. по совокупности регионов России выявили, что в отличие от таких материальных факторов как

введенный региональный материнский капитал и уровень среднедушевых денежных доходов населения (связь и с этими факторами определена как практически отсутствующая: соответственно коэффициенты корреляции равны 0,255 и 0,027) именно меры социальной поддержки, предоставляемые при рождении третьего и последующих детей, имеют наибольшую значимость для формирования уровня рождаемости в регионах (коэффициент корреляции равен 0,375 – связь слабая, но в отличие от двух других факторов более заметная). При этом региональный материнский капитал при соответствующих решениях о его увеличении может оказывать более существенное влияние на рождаемость.

В России, по данным Росстата, в 2020 г. в структуре малоимущего населения 80,8% составляли семьи с детьми, дефицит денежных доходов у малоимущих семей с детьми возрастает с увеличением числа детей в семье¹⁹. Указанное лишь подтверждает значимость для жителей регионов, имеющих уровень дохода существенно ниже среднего по стране, мер государственной поддержки семей с детьми, которые способствуют семьям в регионах реализовать свои репродуктивные намерения и тем самым вносить вклад в улучшение демографической ситуации.

¹⁸ Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. Росстат, 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13212> (дата обращения 04.11.2022).

¹⁹ Там же.

Бесспорно, в статье акцент сделан на динамике рождаемости, как наиважнейшем для демографического развития процессе. Однако не будем также забывать о ряде индикаторов, которые не менее важны для характеристики результативности проводимой демографической политики: смертности, ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) и др. Комплексно и обобщенно представим оценку результатов на основе расчета сводного коэффициента выраженности демографического роста, в состав которого включены 10 показателей:

— 6 индикаторов-стимулянтов (положительным результатом является рост), среди них динамика: численности населения, рождаемости (общий коэффициент рождаемости и суммарный коэффициент рождаемости), ожидаемой продолжительности жизни (в гендерном разрезе) и миграционного прироста;

— 4 индикатора-дестимулянта (положительным результатом является снижение), из них: динамика соотношения браков и разводов, а также изменения коэффициентов смертности (общей, трудоспособного населения и младенческой).

Методика оценки коэффициента выраженности демографического роста ($K_{вр}$) сводится к следующему:

$$K_{вр} = (N^+ + N^-) : N \times 100\%,$$

где N^+ — число случаев роста исходных показателей-стимулянтов; N^- — число случаев сокращения исходных показателей-дестимулянтов; N — общее число всех исходных случаев по всем показателям.

Для оценки числа случаев роста/сокращения индикаторов рассчитываются темпы прироста (см. таблицу 3).

Таблица 3

Темпы прироста демографических показателей в 2006–2021 годах (в процентах)

Годы	Темпы прироста демографических показателей						
	ОПЖ, мужчины	ОПЖ, женщины	общий коэффициент смертности	уровень смертности населения в трудоспособном возрасте	коэффициент младенческой смертности	соотношение браков и разводов (на 1000 браков приходится разводов)	коэффициент миграционного прироста
2006	2,53	1,16	-6,21	-9,74	-7,27	1,41	11,39
2007	1,69	0,91	-3,31	-6,88	-7,84	-5,57	13,57
2008	0,77	0,39	-0,68	-1,49	-9,57	9,94	-0,91
2009	1,55	0,71	-2,76	-6,52	-4,71	-2,35	-1,88
2010	0,33	0,12	0,71	-1,05	-7,41	-9,78	-21,39
2011	1,51	0,98	-4,93	-5,22	-1,33	-3,23	17,81
2012	0,81	0,32	-1,48	-4,19	16,22	4,32	-8,00
2013	0,88	0,59	-2,26	-2,57	-4,65	2,64	0,06
2014	0,25	0,25	0,77	0,84	-9,76	3,85	-6,19
2015	1,01	0,30	-0,76	-3,34	-12,16	-6,89	-13,32
2016	0,88	0,46	-0,77	-3,91	-7,69	17,08	6,57
2017	1,52	0,75	-3,88	-7,77	-6,67	-5,67	-19,25
2018	0,36	0,23	0,81	-0,47	-8,93	12,37	-41,02
2019	0,72	0,45	-1,60	-3,17	-3,92	-0,15	128,37
2020	-2,56	-2,23	18,70	17,39	-8,16	12,25	-56,24
2021	-1,47	-2,51	14,38	5,11	2,22	-4,77	246,71
В среднем за 2006–2021	0,54	0,11	0,67	-1,72	-5,17	1,30	2,00

Из шести индикаторов-стимулянтов нет ни одного, который бы за период с 2006 по 2021 г. имел бы четкую тенденцию роста (ни разу не сокращал бы собственных значений), как и по индикаторам-дестимулянтам не выявлено тех, значения которых бы из года в год на всем отрезке времени уменьшались.

По всем 10 индикаторам коэффициент выраженности демографического роста составил 68,13%, при этом каждый из индикаторов в той или иной мере имел неблагоприятные изменения из-за COVID-19, так, например, положительная динамика ОПЖ, наблюдаемая с 2006 по 2019 г. как у мужчин, так и у женщин, сменилась умень-

шением значений в 2020 и 2021 гг. Достижения в сокращении смертности населения, прежде всего граждан трудоспособного возраста, а также младенческой смертности, оказались перечеркнутыми пандемией.

В этой связи целесообразно представить результат расчета коэффициента выраженности демографического роста за период с 2006 по 2019 г., его значение составляло 75%. При этом высокая результативность в «доковидный» период определялась именно эффективностью мер, направленных на формирование самосохранительного поведения населения и обеспечение доступности качественных услуг в сфере здравоохранения, так как по динамике на базе пяти индикаторов: ОПЖ мужчин и ОПЖ женщин, общего уровня смертности, смертности в трудоспособном возрасте и младенческой смертности — коэффициент выраженности демографического роста составлял 92,86%.

Сегодня довольно трудно в сложившейся непростой ситуации (в условиях эпидемий, эскалации российско-украинского конфликта) однозначно говорить о результативности проводимой демографической политики. Плановые индикаторы в новых реалиях требуют пересмотра.

Заключение

В современной России фиксируется демографический кризис, определяющийся начавшейся в 2016–2017 гг. второй волной депопуляции, которая характеризуется сокращением численности населения на фоне ежегодного возрастания естественный убыли.

Проводимая демографическая политика, несмотря на ее комплексность, существенных результатов в области рождаемости пока не дает. Достигнутый за период реализации Концепции демографической политики максимум суммарного коэффициента рождаемости в 2015 г. (1,777) уменьшился к 2021 г. на 19,19% до уровня 1,436 рожденных на одну женщину (суженное воспроизводство). В частности, на его отрицательную динамику повлияли структурный фактор (развитая за предыдущие десятилетия регрессивная возрастная структура привела к отсутствию равноценного замещения женщин фертильного возраста: пятилетний уровень замещения репродуктивного поколения составляет 78,8%), сформированная тенденция «откладывание рождения» ребенка, которая устойчива вне зависимости

от самооценки уровня жизни молодых семей, а также целый ряд факторов, связанных с имеющимися в обществе демографическими установками, воздействие на которые оказывают западные образцы поведения. Можно также говорить о конгломерате социально-экономических детерминант, они, безусловно, присутствуют, но их в данном исследовании авторы детально и полно не рассматривали — существует множество соответствующих научных публикаций [8; 17–19].

Низкая результативность демографической политики требует серьезной коррекции разработанных и действующих нормативных документов. В данной статье мы рассмотрели Концепцию демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, однако не только указанный документ содержит несовершенства [7]. В Концепции отсутствует необходимый понятийно-категориальный аппарат, в том числе не определен объект управленческого регулирования, что затрудняет целеполагание. В итоге Концепция не только не содержит разделения между целями и задачами, но и перегружена задачами и направлениями социального характера, что предопределяет отход от активного управления специфическими демографическими процессами.

Сегодня, с учетом обострения демографических угроз и появления новых, требуется совершенствование понимания демографической политики. Видится полезной разработка комплекса документов стратегического планирования, включающего доктрину, концепцию и стратегию, которые определяли бы демографическую политику не просто в контексте достижения определенных параметров или типа воспроизводства населения (простого или расширенного), а были встроены в общую канву политики в области национальной безопасности. Анализ накопленного демографического научного и практического знания дает основания полагать, что пригодным для применения в практике стратегического управления и планирования является точно определяемый объект, как: демографическая безопасность [20 и 21], демографическая стабильность [4], демографическое благополучие [22] (с той оговоркой, что подход к определению демографического благополучия должен быть уточнен в отношении протяженности периода, на который определяется динамика демографических показателей (минимум 5 лет — катастрофически мало, исходить желательно по меньшей мере из 15 лет).

Литература

1. **Римашевская Н.М.** Русский крест // Природа. 1999. № 6. С. 3–10.
2. **Махутов Н.А.** Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Тематический блок «Национальная безопасность». Исследования и разработки проблем национальной безопасности. М.: МГОФ «Знание», 2022. 524 с.
3. Будущее аналитики: от азбучных истин к системе аналитических центров. Монография. М.: Научный эксперт, 2013. 115 с. URL: <http://csf.ru/ru/nauka-i-obshchestvo/499/budushhee-analitiki-ot-azbuchnyh-istink-sisteme-analiticheskikh-czentrov-4890> (дата обращения 04.11.2022).
4. **Ростовская Т.К., Золотарева О.А.** Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации // Вопросы управления. 2022. № 3. С. 6–18. doi: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-6-18>.
5. **Рыбаковский Л.Л., Хасаев Г.Р.** Стратегия демографического развития России, понятие и содержание // Народонаселение. 2015. № 2. С. 51–62.
6. **Антонов И.П.** Особенности и соотношение категорий «концепция» и «доктрина» в науке международного права // Евразийский юридический журнал. 2009. Т. 3. № 10. URL: <https://eurasianlaw.ru/2009g/3-10-2009g> (дата обращения 07.11.2022).
7. **Рыбаковский Л.Л.** Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 62–70.
8. **Землянова Е.В., Чумарина В.Ж.** Откладывание деторождения российскими женщинами в современных социально-экономических условиях // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. Т. 64. № 6. doi: <https://dx.doi.org/10.21045/2071-5021-2018-64-6-9>.
9. **Leridon H.** Can Assisted Reproduction Technology Compensate for the Natural Decline in Fertility with Age? A Model Assessment // Human Reproduction. 2004. Vol. 19. Is. 7. P. 1548–1553. doi: <https://doi.org/10.1093/humrep/deh304>.
10. **Сыркашева А.Г., Ильина Е.О., Долгушина Н.В.** Бесплодие у женщин старшего репродуктивного возраста: причины, тактика ведения, перспективы использования преимплантационного генетического скрининга (обзор литературы) // Гинекология. 2016. Т. 18. № 3. С. 40–43. URL: <https://gynecology.orscience.ru/2079-5831/article/view/28542> (дата обращения 06.11.2022).
11. **Bergnehr D.** Social Influence and the Timing of Parenthood // Interpersona: An International Journal on Personal Relations. 2009. Vol. 3. P. 61–83. doi: <https://doi.org/10.5964/ijpr.v3isuppl.69>.
12. **Frejka T.** Parity Distribution and Completed Family Size in Europe: Incipient Decline of the Two-Child Family Model? // Demographic Research. 2008. Vol. 19. No. 4. P. 47–71. URL: https://www.researchgate.net/publication/298951099_Parity_distribution_and_completed_family_size_in_Europe_Incipient_decline_of_the_two-child_family_model (дата обращения 10.11.2022).
13. **Sobotka T.** Postponement of Childbearing and Low Fertility in Europe // Population. 2004. Vol. 59. No. 5. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Postponement-of-Childbearing-and-Low-Fertility-in-Sobotka/079a0f946e16381fb6bab9c85756ad3b26f3af72> (дата обращения 10.11.2022).
14. **Waldenström U.** Postponing Parenthood to Advanced Age // Upsala Journal of Medical Sciences. 2016. Vol. 121. No. 4. P. 235–243. doi: <https://doi.org/10.1080/03009734.2016.1201553>.
15. **Ростовская Т.К., Золотарева О.А., Васильева Е.Н.** Модели матримониального и репродуктивного поведения российской молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 3. С. 184–199. doi: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.10>.
16. **Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А.** К вопросу построения рейтинга регионов по целевым индикаторам результативности семейно-демографической политики // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 4. С. 80–97. doi: <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.4.120.6>.
17. **Агеев А.И.** Демография в системе сценариев и координат. Экономические стратегии. 2020. № 8. С. 44–55. doi: <https://doi.org/10.33917/es-8.174.2020.44-55>.
18. **Трынов А.В., Костина С.Н., Банных Г.А.** Исследование социально-экономической детерминации рождаемости на основе анализа региональных панельных данных // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 3. С. 807–819. doi: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-10>.
19. **Малева Т.М., Синяевская О.В.** Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. 2006. № 5. С. 70–97. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0309/analit02.php> (дата обращения 07.11.2022).
20. **Боков А.Н.** и др. Демографические угрозы Российской Федерации в условиях глобализации. М.: РУСАЙНС, 2015. 154 с.
21. **Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.** Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов // Мир новой экономики. 2016. № 4. С. 142–153.
22. **Рязанцев С.В., Мирязов Т.Р.** Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 5–19. doi: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>.

Информация об авторах

Агеев Александр Иванович — д-р экон. наук, профессор МГИМО и НИЯУ МИФИ, генеральный директор Международного научно-исследовательского института проблем управления. 117312, г. Москва, просп. 60-летия Октября, д. 9. E-mail: ageev@inesnet.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2826-2702>.

Золотарева Ольга Анатольевна — канд. экон. наук, доцент, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Факультет государственного управления; доцент кафедры статистики и математических методов в управлении, МИРЭА — Российский технологический университет. 119991, г. Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4; 119454, г. Москва, просп. Вернадского, д. 78. E-mail: OAMahova@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7339-7510>.

References

1. **Rimashevskaya N.M.** Russian Cross. *Priroda*. 1999; (6):3–10. (In Russ.)
2. **Makhutov N.A.** *Security of Russia. Legal, Socio-Economic and Scientific and Technical Aspects. Thematic block "National security". Research and development of national security problems*. Moscow: MGOF "Knowledge"; 2022. 524 p. (In Russ.)
3. *The Future of Analytics: From Elementary Truths to the System of Think Tanks. Monograph*. Moscow: Nauchnyiekspert Publ.; 2013. 115 p. (In Russ.) Available from: <http://csef.ru/ru/nauka-i-obshchestvo/499/budushhee-analitiki-ot-azbuchnyh-istin-k-sisteme-analiticheskikh-cen-trov-4890> (Accessed 04.11.2022).
4. **Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A.** Demographic Stability as a Priority of the RF Demographic Policy. *Management Issues*. 2022;(3):6–18. (In Russ.) Available from: [10.22394/2304-3369-2022-3-6-18](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-6-18).
5. **Rybakovsky L.L., Khasayev G.R.** Strategy of the Demographic Development of Russia, the Notion and Contents. *Population*. 2015;2(68):51–62. (In Russ.)
6. **Antonov I.P.** Peculiarities and Correlation of Categories «Conception» and «Doctrine» in the Science of International Law. *Eurasian Law Journal*. 2009;3(10). (In Russ.) Available from: <https://eurasialaw.ru/2009g/3-10-2009g> (Accessed 07.11.2022).
7. **Rybakovskiy L.L.** Demographic Policy Concept in Russia: Experiences in Development and Ways of Improving. *Sotsiologicheskie Issledovaniya [Sociological Studies]*. 2015;(9):62–70. (In Russ.)
8. **Zemlyanova E.V., Chumarina V.Zh.** Births' Postponement by Women in Russia Within Modern Socio-Economic Context. *Social Aspects of Population Health*. 2018;64(6). (In Russ.) Available from: <https://dx.doi.org/10.21045/2071-5021-2018-64-6-9>.
9. **Leridon H.** Can Assisted Reproduction Technology Compensate for the Natural Decline in Fertility with Age? A Model Assessment. *Human Reproduction*. 2004;19(7):1548–1553. Available from: <https://doi.org/10.1093/hum-rep/deh304>.
10. **Syrkasheva A.G., Ilina E.O., Dolgushina N.V.** Infertility in Women of Advanced Age: Etiology, Management, Application of Preimplantation Genetic Screening. *Gynecology*. 2016;18(3):40–43. (In Russ.) Available from: <https://gynecology.orscience.ru/2079-5831/article/view/28542> (Accessed 06.11.2022).
11. **Bergnéhr D.** Social Influence and the Timing of Parenthood. *Interpersona: An International Journal on Personal Relations*. 2009;3:61–83. Available from: <https://doi.org/10.5964/ijpr.v3isupp1.69>.
12. **Frejka T.** Parity Distribution and Completed Family Size in Europe: Incipient Decline of the Two-Child Family Model? *Demographic Research*. 2008;19(4):47–71. Available from: https://www.researchgate.net/publication/298951099_Parity_distribution_and_completed_family_size_in_Europe_Incipient_decline_of_the_two-child_family_model (Accessed 10.11.2022).
13. **Sobotka T.** Postponement of Childbearing and Low Fertility in Europe. *Population*. 2004;59(5):819. Available from: <https://www.semanticscholar.org/paper/Postponement-of-Childbearing-and-Low-Fertility-in-Sobotka/079a0f946e16381fb6bab9c85756ad3b26f3af72> (Accessed 10.11.2022).
14. **Waldenström U.** Postponing Parenthood to Advanced Age. *Uppsala Journal of Medical Sciences*. 2016;121(4):235–243. Available from: <https://doi.org/10.1080/03009734.2016.1201553>.
15. **Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A., Vasil'eva E.N.** Models of Matrimonial and Reproductive Behavior of Russian Youth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(3):184–199. (In Russ.) Available from: [10.15838/esc.2022.3.81.10](https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.10).
16. **Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A.** On Building Regions' Rating by Target Indicators of the Effectiveness of Family and Demographic Policy. *Problems of Territory's Development*. 2022;26(4):80–97. (In Russ.) Available from: [10.15838/ptd.2022.4.120.6](https://doi.org/10.15838/ptd.2022.4.120.6).
17. **Ageev A.I.** Demography in the System of Scenarios and Coordinates. *Economic Strategies*. 2020;(8):44–55. (In Russ.) Available from: [10.33917/es-8.174.2020.44-55](https://doi.org/10.33917/es-8.174.2020.44-55).
18. **Trynov A.V., Kostina S.N., Bannykh G.A.** Examination of Socio-economic Determinants of Fertility Based on the Regional Panel Data Analysis. *Economy of Region*. 2020;16(3):807–819. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-10>.
19. **Maleva T.M., Sinyavskaya O.V.** Socio-Economic Factors of Fertility in Russia: Empirical Measurements and Challenges to Social Policy. *SPERO*. 2006;(5):70–97. (In Russ.) Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0309/analit02.php>.

20. **Bokov A.N.** et al. (eds.) Demographic Threats to the Russian Federation in Terms of Globalization. Moscow: Ru-Science Publ.; 2015. 154 p. (In Russ.)

21. **Soboleva S.V., Smirnova N.E., Chudaeva O.V.** Demographic Security of Russia: Regional Measures, Results Estimation. *The World of New Economy*. 2016;(4):142–153. (In Russ.)

22. **Ryazantsev S.V., Miryazov T.R.** Demographic Well-Being: Theoretical Approaches to the Definition and Assessment Methodology. *DEMIS*. Demographic Research. 2021;1(4):5–19. (In Russ.) Available from: 10.19181/demis.2021.1.4.1.

About the authors

Aleksandr I. Ageev – Dr. Sci. (Econ.), Professor, MGIMO; Professor, National Research Nuclear University «MEPhI»; General Director, International Research Institute for Advanced Systems (IRIAS). 9, Prospect 60-Letiya Oktyabrya, Moscow, 117312, Russia. E-mail: ageev@inesnet.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2826-2702>.

Olga A. Zolotareva – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor; Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor, Department of Statistics and Mathematical Methods in Management, MIREA – Russian Technological University. 27, Lomonosovsky Prospekt, Bldg. 4, Moscow, 119991, Russia; 78, Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russia. E-mail: OAMahova@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7339-7510>.